

**НЕМЕЦКАЯ ФИЛОЛОГИЯ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОМ
ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ:
ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ**

*(доклад проф. К.А. Филиппова по случаю 80-летия
кафедры немецкой филологии)*

24 апреля 1999 г.

Настоящий доклад посвящен знаменательной дате – 80-летию немецкой филологии в Санкт-Петербургском (Петроградском, Ленинградском) государственном университете. Примечательно, что наш кафедральный праздник во времени совпал с общими университетскими торжествами, посвященными 275-летию нашего университета, нашей альма матер. Любой юбилей является прекрасным поводом оглянуться на пройденный путь, вспомнить людей, его совершивших (и совершающих), внимательно всмотреться в сменяющуюся череду событий и действующих лиц, наметить пути дальнейшего развития немецкой филологии в Санкт-Петербургском государственном университете.

В моем докладе я попытаюсь изложить свой взгляд на традиции научного поиска, свойственные ученым кафедры немецкой филологии на протяжении 80 лет. Допускаю, что мое видение проблемы будет отличаться от мнения других членов кафедры, но пусть моя субъективная точка зрения станет дополнительным источником раздумий каждого об истории и путях развития германистики, а также о своем вкладе в продолжение замечательных традиций научного анализа, заложенных нашими предшественниками. В коротком докладе невозможно охватить весь спектр научных исследований, проводившихся на кафедре немецкой филологии в течение 80 лет.

Отдельного обсуждения заслуживают самые разные вопросы: от изображения творческого пути ученого до описания отдельных научных проблем, стоявших в свое время перед нашими предшественниками или стоящими в настоящее время перед нашими коллегами. Этот вопрос кажется неразрешимым.

Лично для меня было важно показать взаимосвязь поколений, неразрывность традиции научного поиска, преемственность лингвистического опыта. Я хочу приподнять завесу над тем, что обычно скрывается за понятием научной традиции. Для этой цели я попросил моих коллег поделиться своими мыслями об учителях и рассказать, в какой мере их научное влияние сказалось на выборе научных пристрастий учеников. Я благодарю своих коллег за их рассказы и предоставленные материалы. Они помогли мне воссоздать прекрасный облик ученых-подвижников отечественной германистики, а также их последователей, продолжателей традиций изучения немецкого языка. Большую пользу оказали мне дружеские советы нынешней заведующей кафедрой немецкой филологии проф. С.М. Панкратовой, с которой мы обсуждали основные направления доклада.

Я заранее прошу извинения у тех, кого я не упомяну сегодня. Каждый, кто когда-либо был преподавателем кафедры немецкой

филологии, заслуживает самого глубокого уважения и самого пристального внимания. Однако повторяю, временные рамки доклада не позволяют провести всестороннее исследование научного творчества всех представителей славного племени германистов Санкт-Петербургского (Ленинградского) государственного университета, а простое упоминание имен наших бывших и нынешних коллег представляется мне всего лишь поверхностным суждением и оскорбительным для них. Я прошу извинения также у моих нынешних коллег. Так получилось, что основное внимание в докладе я уделяю тем, кого уже нет среди нас. Я думаю, что нынешний юбилей кафедры предоставляет прекрасную возможность вспомнить наших ушедших учителей, потому что, прошлое, как известно, это зеркало для настоящего. Вглядываясь в прошлое, мы можем также увидеть будущее. Но из этого, конечно, совсем не следует, что в настоящее время на кафедре немецкой филологии нет интересных, актуальных и плодотворных исследований. Конечно, они есть, просто это может быть темой другого сообщения.

Итак, я начинаю раскрывать перед Вами галерею образов выдающихся ученых, составивших славу российской германистики. Первое место в этом ряду по праву занимает основатель нашей кафедры В.М. Жирмунский.

Виктор Максимович Жирмунский (1891-1971) – выдающийся российский филолог, действительный член АН СССР (с 1966 года), почетный доктор Оксфордского, Краковского, Берлинского (имени Гумбольдта) и Пражского (Карлова) университетов, член-корреспондент Германской Академии Наук в г. Берлине (1956), Британской АН (1962), Датской АН (1967) и Баварской АН (1970). Однако для нас важнее, что он не только был питомцем нашего университета (с 1908 по 1912 г.), учеником знаменитого профессора Ф.А.Брауна, но и работал профессором Петроградского, затем Ленинградского университета с 1919 года вплоть до своей кончины.

Научные интересы В.М. Жирмунского были невероятно обширны. Он прекрасно ориентировался в сложнейших вопросах германского, общего и тюркского языкознания, занимался фундаментальными вопросами диалектологии, был блестящим знатоком истории западной и русской литературы, создавал новую концепцию теории литературы, изучал проблемы поэтики, стилистики, стиховедения, фольклора. Он был одним из тех, кто закладывал основы отечественной и мировой социолингвистики. Его научные интересы простирались от изучения внутренних и внешних факторов, влияющих на эволюцию языковой системы, до разработки новой теории словообразования.

Д.С. Лихачев обращает внимание на две самые главные черты В.М. Жирмунского как ученого: во-первых, на его «способность жить окружающей его литературной и научной жизнью, откликаться на наиболее острые и актуальные проблемы времени» и, во-вторых, на особого рода драгоценную трезвость – умение сразу же оценить и достоинства, и недостатки нового литературного или научного явления, теории, направления. Т.В. Строева отмечает также огромные организаторские способности В.М. Жирмунского, который, как никто

иной умел поставить на передний план общие цели и задачи кафедры, объединить коллег во имя развития немецкой филологии.

В.М. Жирмунский по праву считается первой величиной отечественной германистики нынешнего столетия. Он ввел новую классификацию германских языков, предполагающую деление германцев на две группы – северную и южную. Это позволило впоследствии объяснить позднейшую историческую последовательность образования диалектных групп и пестрые связи древних германских литературных языков. Его «Немецкая диалектология» пользуется заслуженной славой во всем мире, она считается основополагающим, фундаментальным трудом в данной области. Его «История немецкого языка» выдержала несколько изданий и до сих пор является настольной книгой любого историка немецкого языка. Такой книги до В.М. Жирмунского не было раньше ни у нас, ни за рубежом. По образному выражению Т.В. Строевой, автор стремился представить в своем историческом повествовании о языке «не старое в новом» (что соответствует немецкой традиции), а «новое, выходящее из старого», новое качество, новую систему языка. Именно в этом проявился новаторский подход ученого к научной интерпретации фактов истории немецкого языка. Кроме всего прочего, В.М. Жирмунский был исключительным мастером анализа стиля в его широком, а не узко языковом понимании и представил немало образцов стилистического анализа крупнейших литературных источников.

Следующим в ряду выдающихся ученых-германистов Санкт-Петербургского университета выступает замечательный филолог **Лев Рафаилович Зиндер** (1904-1995). Он не был штатным преподавателем кафедры немецкой филологии, он работал на кафедре фонетики и методики преподавания иностранных языков, на кафедре математической лингвистики. Однако Л.Р. Зиндер долгое время читал на кафедре немецкой филологии лекционные курсы по теоретической грамматике и теоретической фонетике немецкого языка, выступал с докладами и рецензиями. Его влияние на научную жизнь кафедры было очень велико. Вообще объективную картину немецкой филологии в Санкт-Петербургском университете невозможно представить без его творчества.

Л.Р. Зиндер представлял собой ученого энциклопедических знаний. Он был университетским профессором в подлинном смысле этого слова, Учителем с большой буквы. Своим наставником, проводником в мире лингвистики, его считали не только студенты, аспиранты и докторанты, которым посчастливилось слушать его лекции, участвовать в его семинарах, получать консультации. Своим учителем его считали также те, кто не был знаком с ним лично, кто усваивал его идеи по книгам и статьям. Я помню, как в 1979 году в канун своего 75-летия Л.Р. Зиндер решил устроить встречу своих учеников, бывших аспирантов и докторантов, для того, чтобы они могли познакомиться друг с другом лично. Я как раз в то время был его аспирантом и присутствовал на этой встрече. Надо сразу сказать, что из его первоначальной затеи – ограничиться встречей аспирантов и докторантов – ничего не вышло. Это собрание выросло в грандиозное (если считать по количеству гостей) и

глубоко лиричное мероприятие, на которое приехали гости из самых разных уголков страны: из Сибири, из Средней Азии, из Прибалтики, из Украины и Кавказа. Одно перечисление имен лингвистов, считающих (и считавших) себя учениками Л.Р. Зиндера, займет немало времени. Назову только некоторых: Ректор Санкт-Петербургского университета Л.А. Вербицкая, профессора Л.В. Бондарко, Н.Д. Светозарова, Г.Н. Эйхбаум, Ф.Е. Вейсалов, И.Д. Копцев, В.В. Наумов, Э.А. Нушикян, А.С. Штерн и многие другие. Своим примером он являл служение науке и тем самым снискал глубочайшее уважение в научном мире.

Л.Р. Зиндер никогда не выставлял на передний план свое собственное научное творчество. Он всегда скромно подчеркивал, что целью его изысканий является сохранение и развитие идей его учителя, Льва Владимировича Щербы. Верность своему учителю он пронес через всю свою жизнь, следование идеям Л.В. Щербы видна во всех его работах. Однако было бы самым нелепым заблуждением считать Л.Р. Зиндера простым подражателем своего, пусть даже великого, учителя. Он сам был выдающимся ученым XX века, языковедом широчайшего научного диапазона, самобытным исследователем, тонким наблюдателем, эталоном научного совершенства. И может быть, именно потому, что Л.Р. Зиндер сам никогда не скрывал своей благодарности по отношению к Л.В. Щербе, так и все его ученики гордятся тем, что он был их наставником.

Самыми характерными чертами Льва Рафаиловича Зиндера, выдающегося ученого и замечательного педагога, были простота и ясность. Глубина мысли совершенно непостижимым образом сочетались у него с ясностью изложения проблемы. В самых простых словах он мог выразить невероятно сложные мысли, самые запутанные хитросплетения лингвистических фактов парадоксальным образом находили у него простое решение. Но за этой кажущейся простотой стоял гигантский ежедневный труд ученого. В результате этой исполинской работы возникали совершенные научные произведения, в которых истина обретала свой простой и ясный облик. Именно такими совершенными произведениями являются книги Л.Р. Зиндера «Общая фонетика» (2-е изд., 1979), «Очерк общей теории письма» (1987), «Теоретический курс фонетики немецкого языка» (1997) и многие другие.

Научное творчество Л.Р. Зиндера неотделимо от творчества его постоянного соавтора и научного единомышленника Т.В. Строевой. Этих ученых связывала многолетняя творческая и личная дружба. Она началась в далекие студенческие времена, в 1924 году, когда, судя по их рассказам (я об этом слышал от Л.Р. Зиндера, а недавно прочитал об этом и в воспоминаниях Т.В. Строевой), на первое собрание студентов-германистов, проведенное В.М. Жирмунским, пришли только двое: Т.В. Строева и Л.Р. Зиндер. Эта встреча оказалась символической, потому что творческий союз Л.Р. Зиндера и Т.В. Строевой-Сокольской совершил настоящий прорыв в отечественной германистике. Эти имена золотыми буквами вписаны в историю отечественной германистики.

Татьяна Викторовна Строева (1907-1981), так же как и Л.Р. Зиндер, более пятидесяти лет была связана с Санкт-Петербургским (тогда – Ленинградским) университетом. В основе ее научных интересов

лежали историко-филологические взгляды В.М. Жирмунского в сочетании с общеязыковедческими идеями Л.В. Щербы.

К научным изысканиям Т.В. Строева обратилась еще в студенческие годы. Она участвовала в диалектологических экспедициях, работавших в немецких поселениях на Украине, на Кавказе и в других местах нашей страны под руководством В.М. Жирмунского. В дальнейшем она активно занималась историей языка, грамматикой, лексикологией, диалектологией. Т.В. Строева была подлинным ученым-филологом, не замыкавшимся на одном специальном вопросе. В последние десятилетия ее особенно увлекали проблемы лексикологии и лексикографии.

На первом месте в научном творчестве Т.В. Строевой стоят издания учебного характера, предназначенные для студентов, аспирантов, а также для всех, кто интересуется германистикой. Вместе с Л.Р. Зиндером Т.В. Строева создавала принципиально новые учебники и учебные пособия по различным аспектам германистики. Более 60 лет назад вышла в свет их «Научная грамматика немецкого языка» (1938), в которой младограмматическому направлению в германистике, признававшему научными только исторические исследования, впервые было противопоставлено научное описание грамматического строя в синхронии. Эти новаторские начинания в дальнейшем развивались и углублялись в последующих изданиях книги (1941, 1957). Теперь эта книга известна под названием «Современный немецкий язык» (2-е изд., 1957), и она не утратила своей актуальности до сих пор. Огромной популярностью среди германистов пользовались (и пользуются поныне) «Историческая фонетика немецкого языка» (1965) и «Историческая морфология немецкого языка» (1968), «Пособие по теоретической грамматике и лексикологии немецкого языка» (1962). Уже только один этот перечень говорит сам за себя. Только самые глубокие знания об устройстве немецкого языка и широчайшая языковедческая эрудиция ученых позволили им создать научные творения, намного опередившие свое время.

Еще одним ученым, более пятидесяти лет посвятившим служению филологической науке, был **Андрей Венедиктович Федоров (1906-1997)**, автор более двухсот публикаций на самые различные темы научной, литературной и общественной жизни, ученый, под руководством которого более 50 человек написали кандидатские и докторские диссертации.

А.В. Федоров, ученик и друг Бориса Александровича Ларина, известный ученый, переводчик и педагог, был заведующим кафедрой немецкой филологии с 1963 по 1979 год. Его научная деятельность была многообразной, в круг его научных интересов входили теория, история и критика перевода, общая и сопоставительная стилистика, история русской поэзии, международные связи русской литературы. Он органично сочетал в себе энциклопедические знания ученого-литературоведа, тонкое исследовательское чутье лингвиста и великолепный талант писателя.

А.В. Федоров по праву считается основоположником отечественной теории перевода. Его первая статья, увидевшая свет в 1927 году, называлась «Проблемы стихотворного перевода». И с тех пор теория и

практика перевода стали смыслом всей литературной, научно-исследовательской и педагогической жизни А.В. Федорова. Он первым поставил перед языкознанием задачу дать определение переводу (для всех его разновидностей) в широком масштабе. Он первым поднял чисто прикладную задачу перевода текста с одного языка на другой до ранга глубокой языковедческой проблемы. В начале своего пути он был практически один, и как отмечал сам А.В. Федоров, первоначально его идеи многими учеными воспринимались как одиозные. Его книга «Введение в теорию перевода» (1953) была встречена резкой критикой со стороны приверженцев литературоведческой концепции перевода. Сейчас эта книга, выдержав четыре издания, получила общее признание. В ней А.В. Федоров заложил основы общей теории перевода как научной дисциплины, которая рассматривает языковые явления, встречающиеся во всех разновидностях перевода, и вместе с тем выясняет специфические черты каждой из них. Лингвистическая концепция общей теории перевода, по мнению многих специалистов, подтверждается сейчас массой объективных исследований в нашей стране и за рубежом, но самое главное – интенсивной практикой перевода с самых разных языков. Сколь бы ни были остроумны и необычны переводческие находки, они, оказывается, вполне укладываются в рамки тех закономерностей, которые выявил А.В. Федоров.

Другим интенсивным направлением научных помыслов А.В. Федорова было обращение к изучению проблем языка и стиля художественного произведения. Его книга, посвященная этой теме, так и называется – «Язык и стиль художественного произведения» (М.-Л., 1963). В ней автор излагает свой подход к стилистической архитектонике текста. В другой книге «Очерки общей и сопоставительной стилистики» автор обращается к методам анализа текста с позиции теории и практики перевода. А.В. Федоров давал великолепные образцы анализа индивидуального стиля ученого. Так, его наблюдения над языком Л.В. Щербы можно рассматривать как руководство для всех ученых, от начинающих до маститых, по использованию специальной лексики в научном произведении. По словам А.В. Федорова, у Щербы нигде нет перегрузки терминами, специальной лексикой – даже в определениях термины появляются как бы попутно с характеристикой языковых фактов и изложением авторских мыслей.

Многие лингвистические положения А.В. Федорова парадоксальны по своей сути. Вот только одно из них. Так, например, в качестве одной из общих закономерностей перевода ученый признает невозможность стандартных решений, при которых не учитывались бы конкретные условия определенного вида материала, его индивидуальные особенности, назначение перевода и т.п. Давайте задумаемся в эту мысль А.В. Федорова: «Невозможность стандартных решений при переводе». Казалось бы, это утверждение противоречит самим основам построения теории перевода. Ведь одним из краеугольных камней любой теории (в том числе и теории перевода), изначально является определение закономерностей в структуре и функционировании рассматриваемых явлений, т.е. поиски стереотипов, схем, стандартов принятия решений. А

здесь автор настаивает как раз на обратном. Но за этим парадоксальным выводом А.В. Федорова скрывается глубокое понимание сути вещей: для него «полноценность перевода означает исчерпывающую передачу смыслового содержания подлинника и полноценное функционально-стилистическое соответствие ему». А для этого необходим комплексный подход к передаче содержания одного языка средствами другого языка.

Заботу о сохранении творческого наследия кафедры немецкой филологии А.В. Федоров передал в руки замечательного филолога, великолепного грамматиста **Гали Николаевны Эйхбаум (1927-1992)**.

Г.Н. Эйхбаум всегда считала себя верной ученицей Л.Р. Зиндера и Т.В. Строевой. Я знаю об этом не понаслышке. Мне об этом не раз говорил сам Л.Р. Зиндер, своей любви и преданности к Л.Р. никогда не скрывала также Г.Н. Эйхбаум. При широчайшем диапазоне лингвистических интересов и методическом многообразии подходов к анализу практического материала научному творчеству Г.Н. Эйхбаум свойственна огромная внутренняя цельность, в основе которой лежит ее четкая лингвистическая позиция. Всех, кто ее знал, изумляла ее способность концентрировать свое внимание на каком-либо одном выделенном объекте. Она терпеливо и сосредоточенно анализировала факты. Как ювелир шлифует драгоценные камни, так и она до совершенства оттачивала свои формулировки. Недоступных простому ученому высот она достигла в искусстве обобщения.

Несомненно, основной лингвистический интерес Г.Н. Эйхбаум был направлен на анализ грамматического строя немецкого языка. Ее главный труд «Теоретическая грамматика современного немецкого языка», в основе которого лежал одноименный лекционный курс, вышел в свет уже после ее кончины. На мой взгляд, он вобрал в себя все лучшие достижения современной теоретической грамматики. В отечественной германистике в последнее время не было создано ничего, способного встать в один ряд с этой книгой Г.Н. Эйхбаум. Этот труд еще долго будет определять путь развития грамматической науки в Санкт-Петербургском университете и в России.

Говоря о Г.Н. Эйхбаум, нельзя не сказать о ее высочайшей внутренней организованности и самодисциплине. Г.Н. была взыскательным учителем, но в основе ее требовательности к своим ученикам лежала беспощадная требовательность к самой себе. Одновременно она была очень доброжелательным человеком. Такое сочетание взыскательности и доброжелательности имеет очень простое объяснение. Она попросту не терпела непрофессионального отношения к делу, которому она посвятила всю свою жизнь. Она сама была профессионалом в подлинном смысле этого слова и требовала этого от других. Поэтому коллеги и ученики помнят ее как бескомпромиссного служителя истины, настоящего интеллигента, требовательного, строгого и всегда доброжелательного человека.

Г.Н. Эйхбаум создала на кафедре мощную грамматическую школу. Традиции грамматических исследований на кафедре немецкой филологии достойно продолжают ее ученики Л.Н. Григорьева, С.Т. Нефедов, А.Л. Сотникова, Г.В. Липис. Свою скромную лепту в утверждение авторитета кафедры в области грамматики внес также

автор настоящего доклада. Следует заметить, что курс теоретической грамматики немецкого языка, традиционно читаемый на старших курсах немецкого отделения, сохраняет и развивает идеи, заложенные Г.Н. Эйхбаум.

На кафедре немецкой филологии всегда работали ученые, как магнит притягивавшие к себе своих молодых коллег. Их творческое кредо было настолько ярким и выразительным, что оно служило источником вдохновения для многих людей. Именно таким человеком была, например, **Нина Александровна Жирмунская (1919-1991)**.

Н.А. Жирмунская большую часть своего таланта отдала сохранению и подготовке к публикации творческого наследия В.М. Жирмунского. Однако трудно переоценить ее собственный вклад в воспитание будущих филологов-германистов. Как педагог она сочетала в себе исключительную доброжелательность и открытость для общения с жесткостью и бескомпромиссностью в научном споре. Не было рецензента, более внимательного, чем она. И в этом проявлялось ее огромное уважение к научному труду вообще. Она считала обязательным для себя дать принципиальную, достойную оценку научному произведению, потому что именно так она могла выразить свое уважение к автору.

Н.А. Жирмунская была блестящим оратором. Она обладала редкой памятью и на занятиях не пользовалась конспектами. Как правило, перед ней на столе лежала всего лишь стопка книг немецких классиков. Но как я теперь понимаю, эти книги были всего лишь внешним атрибутом ее общения со студентами. Дело в том, что ей и не нужно было их открывать, она цитировала их по памяти. Всем, кому посчастливилось побывать на ее занятиях, она давала образцы блестящего филологического анализа текста – настоящего филологического анализа в самом широком смысле этого слова. При этом она свободно ориентировалась в самых разных областях филологии, привлекая по ходу наблюдения над речевым материалом данные из литературоведения, истории языка, лексикологии, словообразования, грамматики и т.п. Ей не было равных в анализе художественного текста. И в том, что эта линия научного творчества нашла свое продолжение в деятельности ее учеников И.С. Алексеевой, К.Р. Новожиловой, М.И. Тимофеевой и других, огромная заслуга Н.А. Жирмунской.

Яркой и самобытной личностью в мире науки был **Владимир Александрович Михайлов (1936-1991)**. Он представляет собой уникальное явление в лингвистической науке. Обладая богатейшей эрудицией в самых разных сферах научного знания, он прекрасно разбирался в фундаментальных философских вопросах, серьезно изучил многие современные психологические концепции, был знатоком лингвистической семантики, обладал обширными знаниями в теории и практике немецкого языка. Его стремление к познанию мира было безграничным. Иногда казалось, что для него сам процесс достижения истины является более интересным, чем конечный результат.

Главным достижением В.А. Михайлова, несомненно, является книга «Смысл и значение в речемыслительной деятельности» (СПб., 1992).

Значение этой работы не осознано до сих пор. В ней В.А. Михайлов представил свое видение вечной лингвистической проблемы – взаимоотношения языка и мышления. В своем подходе к решению этой проблемы он опирался прежде всего на труды В. Гумбольдта, И.А. Бодуэна де Куртенэ, Л.В. Щербы, Л.С. Выготского, С.Д. Кацнельсона. Его книга является логичным продолжением данной линии в языкознании.

В.А. Михайлов последовательно отстаивал идею комплексного анализа языковых явлений. По его мнению, синтаксис и семантика взаимно отражают друг друга, порождая как лексические, так и грамматические «знаки» и значения». Именно поэтому предикация рассматривалась им как базовая смыслообразующая структура, которая является ядром и предложения и слова. Речь здесь идет не просто об отдельных (динамическом и статическом) аспектах образования смысла высказывания, а о едином когнитивном процессе, реализующемся в предикативной структуре.

За всеми этими мыслями скрывается основная идея В.А. Михайлова, нашедшая подтверждение в большинстве современных теорий языка, а именно: о взаимодействии семантики и синтаксиса, о связи и единстве номинативного и синтагматического аспектов речевой деятельности. Для сравнения я хотел бы привести известное положение В.Б. Касевича о том, что «в языке не столь просто провести четкую демаркационную линию, которая указывала бы, где «кончаются» чисто формальные средства языка, включая таким образом понимаемый синтаксис, и «начинается» семантика».

Необходимо заметить, что тезис о цельности самого предмета лингвистического исследования, о взаимной обусловленности различных аспектов языка красной нитью проходит через все научное творчество ученых-германистов Санкт-Петербургского университета. О взаимодействии словарного состава языка и его грамматики говорит В.М. Жирмунский в своей «Истории немецкого языка». Этот тезис выносят в самое начало своей знаменитой книги «Современный немецкий язык» Л.Р. Зиндер и Т.В. Строева. Этой мысли соответствует общий вывод А.В. Федорова о невозможности стандартных решений при переводе: несоответствия в грамматической системе двух языков неизбежно влекут за собой необходимость применения других грамматических или словарных средств. К этой проблеме специально обращаются Г.Н. Эйхбаум в своей статье «О так называемом сопротивлении лексики грамматике» и В.А. Михайлов в статье «Семантика и синтаксис операции обозначения». Эту тему затрагивает С.М. Панкратова, которая понимает под валентностью языковой единицы синтаксическое преломление определенных семантических свойств слова / фразеологизма; тем самым валентные свойства языковой единицы оказываются запрограммированными уже в самом акте номинации. Именно этот тезис ставит в центр своего анализа системы немецких падежей Г.А. Баева, она рассматривает развитие падежных форм существительного не просто как формирование традиционных морфологических форм, но, прежде всего, как отражение валентных свойств слова (глагола, существительного, прилагательного). И я думаю,

что для каждого, кто прошел филологическую выучку на кафедре немецкой филологии, такое понимание языка как предмета научного исследования является определяющим.

Все ученые, о которых я рассказал выше, были университетскими профессорами в полном смысле этого слова. Для меня не важно то обстоятельство, что не все они носили ученое звание профессора, они были университетскими профессорами по духу, по величине своего научного и педагогического таланта, по влиянию на умы и чувства своих учеников. Они были представителями особого мира – мира науки. Они не замыкались в рамках германистики; выходя за ее пределы, они поднимались до подлинных высот в искусстве наблюдения и обобщения, они видели лингвистические феномены в их взаимосвязи, соединяя частные факты с общей теорией языка. К тому же они обладали силой передать свои знания, свои чаяния и стремления ученикам. И они продолжают жить в своих учениках, хранящих и умножающих научные традиции своих предшественников.

Я долго размышлял над тем, что лежит в основе естественного стремления людей продолжать традиции своих учителей. На мой взгляд, именно это обстоятельство объединяет прежние поколения ученых-германистов, работавших в Санкт-Петербургском (Ленинградском) университете, и нынешних сотрудников кафедры немецкой филологии. Мое понимание этой проблемы, вероятно, будет отличаться от точки зрения моих коллег. Это объяснимо, потому что каждый из нас по-своему осознает связь между поколениями, между прошлым, настоящим и будущим.

Самое первое, что приходит на ум, это сохранение и развитие общего направления научных поисков, начатое нашими предшественниками. При этом речь не идет, конечно, о слепом, механическом воспроизведении идей (пусть даже опередивших свое время) наших великих учителей. Студентом мне довелось слушать лекции по теоретической грамматике немецкого языка в исполнении Л.Р. Зиндера. Затем, будучи аспирантом, я посещал лекции по теоретической грамматике, которые читала Г.Н. Эйхбаум. Сейчас я (вместе с Л.Н. Григорьевой и С.Т. Нефедовым) сам читаю лекции по теоретической грамматике немецкого языка. И стараясь сохранить и преумножить новаторские идеи наших предшественников, мы неизбежно обращаемся к новым лингвистическим фактам, новым тенденциям лингвистической мысли. Так, выход синтаксических исследований за границы отдельного предложения повлек за собой усиление интереса к лингвистике текста и появлению в учебном плане кафедры спецкурса с одноименным названием.

Продолжение традиций филологических исследований можно усмотреть, например, в многочисленных совместных публикациях сотрудников кафедры. В таких изданиях мудрость и опыт учителей органично сливаются с энергией и полемическим задором учеников. Я сам с благодарностью вспоминаю часы, проведенные вместе с В.А. Михайловым во время нашей совместной работы над пособием по «Введению в специальность (лингвистика)» (Л., 1986). Наши встречи были невероятно интересны и поучительны. При этом в наших беседах

не было жесткого навязывания мнения старшего коллеги младшему. Это был разговор равных партнеров, в котором мудрость одного уравновешивала горячность другого. Но именно в такие минуты начинаешь понимать, что решение некоторых фундаментальных задач не под силу отдельным, пусть даже даровитым личностям, для преодоления некоторых проблем необходимо привлечение дополнительных сил. Умение подчинить свои силы и знания требованиям общего научного замысла, мобилизовать все свои способности для достижения единой цели – вот тот прогрессивный путь, по которому идет сегодня современная наука. Такие мобильные рабочие группы, объединенные актуальной лингвистической задачей, возникают и на нашей кафедре. Самым свежим примером такого сотрудничества является недавно вышедшее учебное пособие «Морфология современного немецкого языка в комментариях и упражнениях» (СПб., 1997), подготовленное Г.А. Бaeвой, В.П. Земсковой и С.Т. Нефедовым, которое пришло на смену известной не одному поколению студентов-германистов «Грамматике немецкого языка. Практический курс» (2-е изд. М., 1963), по традиции называемой «Грамматикой» Арсеньевой, хотя в свое время ее составил также коллектив авторов. У кафедры немецкой филологии имеются совместные проекты с зарубежными университетами (Германии, Австрии и Швейцарии). Мы проводим двухсторонние конференции, издаем совместные сборники научных трудов. За таким сотрудничеством будущее.

Глубокое уважение к своим предшественникам и коллегам выражается, в частности, в том, что сотрудники кафедры берут на себя труд подготовки к печати неопубликованных рукописей наших учителей. Я уже упоминал о самоотверженной работе Н.А. Жирмунской по подготовке к печати неопубликованных рукописей В.М. Жирмунского. Точно так же увидели свет «Немецкая диалектология» Т.В. Строевой, подготовленная к печати Г.А. Бaeвой, и «Теоретическая грамматика немецкого языка» Г.Н. Эйхбаум, над выходом которой работали Л.Н. Григорьева, Г.В. Липис, А.Л. Сотникова, С.Т. Нефедов. Аналогичным образом сотрудники кафедры фонетики и методики преподавания иностранных языков Н.Д. Светозарова, Е.А. Варжавитина и Г.С. Троценко подготовили к печати книгу Л.Р. Зиндера «Теоретический курс фонетики современного немецкого языка» (СПб., 1997). Эти примеры показывают, что такая традиция свойственна всему филологическому сообществу Санкт-Петербургского университета, и кафедра немецкой филологии ее достойно поддерживает.

Продолжение научных традиций кафедры немецкой филологии носит самые разнообразные формы. Преемственность поколений видна в бережном отношении и сохранении перечня основных и специальных лекционных курсов, читаемых студентам немецкого отделения – по введению в германскую филологию, по истории немецкого языка, по лексикологии, теоретической грамматике и теоретической фонетике немецкого языка. Эта преемственность видна также в том, что спецкурс по словообразованию немецкого языка, читаемый ныне Т.В. Пономаревой, в значительной мере основывается на программе, подготовленной в свое время Т.В. Строевой. Точно так же основные

положения программы по стилистике немецкого языка были разработаны в свое время Н.А. Жирмунской, а дополнения в нее были внесены уже К.Р. Новожиловой. Традиции преподавания истории немецкого языка, заложенные В.М. Жирмунским, продолженные Т.В. Строевой и К.П. Акуловой, ныне успешно развивает Г.А. Баева. Спецсеминар А.В. Федорова по практике художественного перевода со временем вырос в лекционный курс по теории перевода, который сейчас читает ученица А.В. Федорова И.С. Алексеева.

Наши коллеги успешно развивают то, что когда-то начали наши уважаемые предшественники. В свое время великолепный лексиколог А.П. Хазанович обратила пристальное внимание на анализ немецких фразеологизмов, в настоящее время эту тему плодотворно разрабатывает С.М. Панкратова. Интерес Н.А. Жирмунской к поэтической речи в дальнейшем вдохновил М.И. Тимофееву серьезно обратиться к проблемам стиховедения, что приобрело осязаемую форму в виде соответствующего спецкурса, читаемого на кафедре.

Главной чертой научного подхода, свойственного ученым кафедры немецкой филологии, является широта научного кругозора с одновременной глубиной понимания проблемы. Выше, как мне кажется, я уже достаточно убедительно показал, насколько обширны были научные интересы наших коллег В.М. Жирмунского, Л.Р. Зиндера, Т.В. Строевой, А.В. Федорова, Г.Н. Эйхбаум, Н.А. Жирмунской, В.А. Михайлова и других. На мой взгляд, эти традиции сохраняются и ныне.

С.М. Панкратова является авторитетным специалистом в общей теории языка, немецкой лексикологии и фразеологии, теории валентности, истории языка, а также в методике преподавания филологических дисциплин на факультете. Г.А. Баева, как указывалось выше, прекрасно разбирается как в истории немецкого языка, так и диалектологии, теоретической и практической грамматике немецкого языка, с недавних пор она активно включилась в разработку новейших проблем методики преподавания иностранных языков. Мои научные интересы лежат как в области фонетики немецкого языка, так и в сфере теоретической грамматики, начиная лингвистикой текста и кончая анализом разговорной речи. И.С. Алексеева является известным переводчиком немецкой художественной литературы, автором ряда работ по современным проблемам перевода во всех его разновидностях. Л.Н. Григорьева, будучи признанным грамматистом, активно занимается контрастивной лингвистикой, особенно в сфере типологии текстов. Л.И. Подгорная и Е.М. Крепак обладают обширными познаниями как в области немецкого литературоведения, так и немецкой лингвистики. Т.В. Пономарева, исследуя современные словообразовательные процессы в немецком языке, плодотворно разрабатывает вопросы, находящиеся на стыке лексикологии и грамматики. М.И. Тимофеева является не только тонким знатоком немецкой поэтической речи, но и глубоким специалистом в истории немецкого языка. Этот список можно продолжить.

К сожалению, я не смог рассказать сегодня о творческом пути других ученых, когда-либо работавших на кафедре немецкой филологии. За

рамками моего повествования остались такие замечательные филологи-германисты, как непревзойденный мастер-методист Ольга Николаевна Никонова; афористичная и остроумная, незабываемая Сандухт Арамовна Акулянц; превосходный лексиколог Дебора Борисовна Замчук; известный переводчик и лингвист, собиратель разговорных формул немецкого языка Юрий Николаевич Афонькин; великолепные знатоки немецкого языка Елизавета Ивановна Берегова, Елизавета Альбертовна Данциг и Нина Дмитриевна Смурова; исключительный знаток немецкой фразеологии Алиса Павловна Хазанович; прекрасный грамматист и специалист в области немецкой филологии Маргарита Георгиевна Арсеньева; разносторонние филологи-практики Ирина Владимировна Братусь и Анна Васильевна Детинина; признанные специалисты в области грамматики немецкого языка Евгения Никоновна Морозова и Ирина Александровна Цыганова; отличный историк немецкого языка и отменный грамматист Кира Петровна Акулова; первоклассный методист Лирина Степановна Коробова, замечательные фонетисты Мария Григорьевна Кравченко и Марина Александровна Зыкова и многие другие. Все они самоотверженно трудились на благо отечественной германистики, благодаря их усилиям возник неповторимый облик немецкой филологии в Санкт-Петербургском университете.

Завершая мое выступление, я хочу еще раз подчеркнуть, что бережное отношение к научному наследию, накопленному за долгие годы труда нескольких поколений филологов-германистов, является гарантией уверенного движения вперед в будущем. И если культуру можно считать памятью человечества о самом себе, то и науку как часть культуры можно назвать памятью ученых о пройденном пути. Уважительно сохраненное знание позволяет нам самим уверенно смотреть в будущее.